

10. Шубик В. М. Радиационные аспекты экологической иммунологии. СПб, 2008. 209 с.

11. Yarilin A. A., Sharova N.I., Kusmenok O.I. et. al. The role of the thymus in the appearance of immunologic effects of low dose irradiation // Radiat, Prot.Dosim.1995. V.62, № 1, 2. P. 77–79

12. Walford R. L. The immunologic theory of aging. Copengagen. Munksgard, 1969. 248 p.

Я. Э. Юдович

Институт геологии Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар

ЖИВОЙ ДАРВИН

Ya. E. Yudovich

Institute of geology, Komi Scientific Centre,
Ural Division of the Russian Academy of Sciences

LIVING DARWIN

В 2009 г. в нашей стране и во всем мире широко отметили два Дарвиновских юбилея – 200 лет со дня рождения Чарлза Дарвина и 150 лет со дня выхода в свет его великого сочинения «Происхождение видов путем естественного отбора». Хорошо известно, что становление Дарвина как ученого произошло после его более чем пятилетнего плавания на корабле «Бигль» (1831–1836). Сам Дарвин считал это плавание самым главным событием в своей жизни.

В публикуемой статье автор делится своими впечатлениями от прочтения книги Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль», написанной Дарвином на основе его полевых дневников и по сию пору остающейся настоящим бестселлером.

Кроме того, подчеркнуто значение геологических исследований Дарвина в Южной Америке, поскольку, по мнению автора, дарвиновская «океанская геология» несправедливо затмила важнейшие результаты Дарвина в континентальной геологии.

ЖИВОЙ ДАРВИН¹

Мы привыкли представлять себе Дарвина в виде древнего старца с длинной бородой, на портрете в раме, с названием вроде «Великий Ученый – классик естествознания 19-го столетия, Основатель Эволюционного Учения» и т. д.

Между тем, в тот год (1831), когда ему сказочно повезло – очень уважаемый человек, профессор Джон Генсло – порекомендовал его капитану Фиц-Рою в качестве натуралиста в многолетнее плавание – ему ведь еще не исполнилось 23-х лет! Это был жизнерадостный парень, страстно любящий охоту, рыбалку, собак, лошадей и вдобавок не дурак выпить; до этого он, к огорчению родителя, очень средненько обучался медицине в Эдинбурге (1825–1827) и затем – богословию (!) в Кембридже (1828–1831). В это сейчас трудно поверить, но из уважения к отцу (совершенно не понимавшим его склонностей и даже не подозревавшим о громадном даровании своего сына) – ему пришлось, после бегства из Эдинбурга, вызванном отвращением к медицине, – с грехом пополам все же закончить «академическое» образование, чтобы получить право писать после своей фамилии буквы *M. A.*, т. е. *Master of Arts* – магистр гуманитарных наук! Правда, правда... Было у студента Дарвина, помимо охоты и рыбалки – еще и страстное увлечение – собиранием коллекций жуков, бабочек, птиц и птичьих яиц; он проводил химические эксперименты вместе с братом Эразмом; он испытывал восторг перед красотой Эвклидовой геометрии (через много лет совершенно то же испытал Эйнштейн!). Поэтому еще студентом Чарлз был уже известен в кругах английских натуралистов – энтомологов, орнитологов и ботаников (а среди последних судьбоносным оказалось тесное знакомство с профессором Генсло). Как он остроумно писал на склоне лет в своей замечательной автобиографии «Воспоминания о развитии моего ума и характера»: *«Помню, что в простоте своей я был поражен тем, почему каждый джентльмен не становится орнитологом»* [2, с. 61]. И там же он пишет еще того лучше: *«Никогда ни один поэт не испытывал при виде первого напечатанного стихотворения большего восторга, чем я, когда увидел в книге Стивена «Illustration of British Insects» магические слова «пойман Ч. Дарвином, эсквайром»* [2, с. 78–79].

Но всё это было и чуждо, и непонятно его отцу – в глазах среднего английского буржуа это выглядело несерьезным и не обещало отпрыску гарантированного куска хлеба. И если бы не богатенький дядя Веджвуд (владелец фабрики того самого Веджвудского фарфора!), мнением которого отец дорожил, – не бывать бы Чарлзу в плавании, которое он потом назвал Главным Событием своей жизни.

¹ Доклад на заседании в Коми научном центре УрО РАН 8 февраля 2010 г., посвященном Дню науки.

1. Отдельная тема – Дарвин-геолог

В популярной литературе о Дарвине чаще всего пишут о его теории коралловых рифов, когда освещают вклад Дарвина в геологию. Между тем, собственно океанская геология занимает в «Путешествии натуралиста...» (о котором мы сегодня только и будем говорить) – гораздо более скромное место по сравнению с геологией континентальной и островной. Действительно, коралловые рифы – это только первый том (1842 г.) из его геологического трехтомника; два других – это вулканические острова (1844) и Южная Америка (1846). Таким образом, по возвращении домой в 1836 г., на обработку всех собранных колоссальных материалов по геологии у него ушло десять лет!

Мы – геологи, можем гордиться тем, как Дарвин отозвался о геологии в своей автобиографии – как о занятии, которое сформировало его как ученого:

*«Я всегда сознавал, что обязан этому путешествию первым истинным воспитанием или дисциплиной своего ума <...> **Всего важнее было изучение геологии посещаемых мною стран, потому что при этого рода исследованиях открывается полный простор для мыслительной способности**» [2, с. 92]*

В серии многочисленных (и часто весьма длительных) маршрутов, Дарвин впервые обследовал и с поразительной ясностью проинтерпретировал важнейшие особенности геологии Южной Америки по обе стороны от Анд, а также и в самом высокогорье, сделав два тяжелейших пересечения Анд – из Чили в Аргентину через опасный перевал Портильо, и из Аргентины в Северное Чили – через перевал Аконгкагуа (Успальята).

Дарвин был современником и учеником Лайелла, и в путешествии не расставался с только что вышедшей (1830) тогдашней библией униформизма – первым томом «Основных начал геологии». Отдельные страницы «Путешествия ...» являются настоящим гимном лайеллевской Постепенности – грандиозным геологическим следствиям как продукту интегрирования бесчисленных мелких изменений, происходивших на протяжении громадных (геологических!) интервалов времени. Лайеллевская геология рождалась в острой борьбе с катастрофизмом – и эта скрытая (а иногда и явная) полемичность очень ощутима и в тексте Дарвина.

Однако в лайеллевской идеологии Дарвина мне видится большое противоречие, на которое, как мне кажется, до сих пор не обратили должного внимания. Можно быть эволюционистом-«постепеновцем», изучая древние толщи и охотно допуская громадную длительность геологических процессов; но как быть с явлениями кратковременными – такими, как извержения вулканов или стремительное перемещение громадных глыб горных пород чудовищными волнами цунами? Ведь в отличие от Лайелла, Дарвину посчастливилось наблюдать такие процессы своими глазами. Но

здесь-то ни о какой постепенности не может быть и речи – значимый геологический результат достигается не за десятки миллионов лет, а практически мгновенно! Однако, по-видимому, лайеллевская «парадигма» так сильно впечатлила Дарвина, что он не считал нужным её как-то видоизменять.

Важнейшим геологическим выводом Дарвина (о котором до него можно было говорить только весьма приблизительно, притом на далеко не лучших примерах Западной Европы, геологическая история которой, как мы теперь знаем, крайне сложна и многоэтапна) – было **исключительно ясное доказательство многократных эпейрогенических колебаний всего материка Южной Америки.**

Например, последовательно развивая эту стержневую идею, он приходит к совершенно нетривиальном выводу о том, что долина реки Санта-Крус, рассекающая материк от самых Анд до Атлантики в районе 47-го градуса южной широты – была некогда не чем иным, как **морским проливом**, соединявшим (подобно Магелланову проливу) Тихий и Атлантический океаны! Кто бы еще мог в те годы сделать такой вывод, глядя снизу на снежные вершины Анд, возвышающиеся на 5–6 км над уровнем океана?

Весьма впечатляют и упорные размышления Дарвина о характере связи тектоники и вулканизма: что является причиной, и что – следствием? Сначала толчок, потом извержение, или же наоборот – подъем магмы создает напряжение земной коры, разрешающееся землетрясением? При этом он, вероятно впервые, указал на приуроченность вулканов к неким региональным линиям – разломам.

Дарвин живо интересуется добычей руд серебра и меди в Андах, но в отличие от современных геологов-металлогенистов, не помышляет о геологическом прогнозе оруденения; он-то хорошо знает, что все рудные месторождения найдены местными жителями совершенно случайно, безо всякого участия геологов. Несмотря на признаки вулканогенной природы термальных минеральных вод, Дарвин высказывает тонкое суждение об участии в их образовании вадозных вод. Разумеется, не мог он пройти и мимо такого природного феномена, как стоящие *in situ* минерализованные стволы деревьев – «каменного леса» в Андах.

Видел Дарвин и грандиозное месторождение «чилийской» (натриевой) селитры; задумывался о причине парагенезиса биогенных фосфатов (гуано) и карбонатов и о природе тонких Fe-Mn пленок на камнях; описывал базальты и «первозданные» граниты, которые тогда считали более глубинными породами, нежели базальты. Пластичное течение смятых в складки кварцитов он прямо связывает с метаморфизмом их протолита (кварцевых песчаников) – и везде Дарвин наблюдает, напряженно размышляет – и убедительно интерпретирует увиденное.

Наконец, поразительно интересны (а по признанию Дарвина, из всей геологии – именно это больше всего занимало его самого!) – собранные им материалы о грандиозном галечном плаще Патагонии – продукте эрозии палео-Кордильер! До него еще никто не предоставлял публике столь убедительного доказательства мощи эпейрогенических колебаний.

... В 19 веке образованные люди бывало, вечером собирались всей семьей вокруг керосиновой лампы, и кто-нибудь вслух читал – например, Диккенса.

Последуем мысленно этому примеру и 21-ом веке и посвятим час своего времени чтению замечательной книги Дарвина «*Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»*». С немалым трудом (поскольку вся книга – это настоящий бестселлер) я выбрал из нее несколько отрывков, дающих полное представление и обо всей книге и об ее молодом авторе, которого в Латинской Америке местные жители звали «Дон Карлос» (заметим, кстати, что одноименная опера Верди была сочинена только через 36 лет – в 1867 г. ...).

2. ЛИЧНОСТЬ ДАРВИНА

Что же за человек был этот молодой натуралист, нанявшийся в плавание на военном корабле «за харчи»? Жалованья ему не полагалось; бытовые условия были далеко не комфортными (он делил кормовую каюту с топографом), и единственной его привилегией было то, что он столовался с мистером Фиц-Роем в его капитанской каюте.

Во-первых, это человек тонко чувствующий, которого до глубины души потрясает Величие Природы. Вскарбавшись на Анды в Чили, он сообщает, что свой восторг перед открывшейся картиной по силе чувства он может сравнить только с тем, который дают ему звуки «Мессии» Генделя! Это признание выдает в нем человека высокой духовности. Подобные признания («я был в восторге», «я был изумлен», «мои чувства нельзя передать словами» и т. п.) мы беспрестанно находим у него на протяжении всей книги. И к концу более чем пятилетнего плавания они у Дарвина скорее нарастают, чем притупляются. Причем изумление и восторг вызывают у него как геологические объекты и процессы (галечники, пласты базальтов, ледники, скопления раковин, найденные им кости позвоночных, минерализованные стволы деревьев, извержения вулкана), так и «произведения» (широко распространенный в то время термин) живой природы. Кстати, отправляясь в плавание, юный магистр Дарвин (по воле отца едва не ставший священником!) нисколько не сомневался в том, что всё вокруг создано Творцом. И лишь потом он стал в этом крепко сомневаться, а приехав домой и занявшись капитальной обработкой собранных материалов – так и вовсе сделался еретиком, предметом ненависти всех тогдашних особ в рясах, а в наши дни – уважаемых лжецов-креационистов...

Поэзия души Дарвина

9 июня. [1834 г. – Я. Ю.] – Утром мы с радостью увидели, что пелена тумана постепенно поднимается все выше над Сармьенто, открывая ее нашему взору. Эта гора, одна из самых высоких на Огненной Земле, достигает 6800 футов. Подножие, примерно на одну восьмую общей высоты горы, одето сумрачными лесами, над которыми до самой вершины простираются снега. Эти громадные массы никогда не тающего снега, которым суждено лежать, кажется, до тех пор, пока будет стоять мир, представляют великолепное и даже величественное зрелище. Очертания горы были удивительно ясны и резки. Вследствие обилия света, отражаемого белой и блестящей поверхностью, ни на одной из частей горы не лежит тень, и различить можно только те линии, по которым гора граничит с небесами, отчего вся громада ее выступает необыкновенно рельефно. Несколько ледников, извиваясь, спускаются с верхнего пояса снегов вниз, к морю; их можно было бы уподобить большим замерзшим Ниагарам, и, быть может, эти водопады голубого льда ничуть не менее прекрасны, чем каскады падающей воды» [1, с. 221].

«Прогулки в этих местах [в Среднем Чили – Я.Ю.] очень приятны. Здесь растет много прекрасных цветов и, как почти повсюду, где климат сух, каждое растение имеет сильный и своеобразный запах, так что даже платье, когда пробираешься сквозь заросли, начинает пахнуть. Я никак не мог привыкнуть [после Огненной Земли! – Я.Ю.] к тому, что каждый день погода была такая же ясная, как и накануне. Какую перемену производит климат в расположении духа! Как противоположны чувства, возбуждаемые, с одной стороны, видом черных гор, наполовину окутанных тучами, и с другой – хребта [Кордильер – Я.Ю.], виднеющегося сквозь легкую голубую дымку ясного дня! Первый вид некоторое время может казаться величественным, но во втором – само веселье и счастье жизни [1, с. 230].

Вид с одной из вершин Анд: романтика геологии

«Мы провели весь день на вершине [горы, сложенной зеленокаменными породами – Я.Ю.], и я получил такое наслаждение, как никогда. Чили, ограниченное Андами и Тихим океаном, было видно, как на карте. Удовольствие, которое доставлял пейзаж, уже сам по себе прекрасный, еще более усиливалось теми мыслями, которые будил один только вид хребта Кампана с меньшими хребтами, ему параллельными, и широкой долиной Кильота, пересекавшей их под прямым углом. Кто может остаться невозмутимым при мысли о той силе, которая подняла эти горы, а тем более при мысли о тех бесчисленных веках, которые понадобились, чтобы пробить, сдвинуть и выровнять всю их громаду? Здесь уместно вспом-

нить необъятные слои галечника и осадочные слои Патагонии, которые, будучи нагромождены на Кордильеры, увеличили бы их высоту на многие тысячи футов. В Патагонии я поражался, как может какая-нибудь горная цепь отделить от себя такие огромные массы, не исчезнув с лица земли. Но теперь уже больше не к чему удивляться и сомневаться в том, может ли всемогущее время истереть горы, даже такие гигантские, как Кордильеры, в гравий и ил» [1, с. 232–233].

Как восторг геолога побеждал у Дарвина кислородное голодание

«Около полудня мы начали трудный подъем на хребет Пеукенес, и тут нам в первый раз стало несколько трудно дышать. Мулы останавливались через каждые пятьдесят ярдов, но, отдохнув несколько секунд, бедные послушные животные сами снова трогались в путь. Короткое дыхание вследствие разреженности воздуха чилийцы называют **пуна**, а о причине его имеют самые нелепые представления. Одни говорят: «Здесь во всех водах пуна»; другие говорят: «Где снег, там и пуна», что, впрочем, несомненно, верно. Единственное ощущение, которое я испытал, состояло в том, что мне немного сжимало голову и грудь, как то чувствуешь, выходя из теплой комнаты и пускаясь быстрым бегом в морозную погоду. Но даже и тут в известной мере действовало воображение, ибо, найдя на самом высоком гребне ископаемые раковины, я от восторга совершенно позабыл о пунах. Конечно, напряжение при ходьбе было очень велико, а дыхание становилось глубже и тяжелее. Мне говорили, что в Потоси (около 13000 футов над уровнем моря) приезжие за целый год не могут привыкнуть к тамошнему воздуху. Жители все рекомендовали употреблять против пуны лук; поскольку это растение иногда дают в Европе против грудных болезней, возможно, что и здесь оно в самом деле помогает; что до меня, то я не знаю ничего лучше ископаемых раковин!»

<...>

Когда мы достигли вершины гребня и оглянулись, перед нами открылась великолепная картина. Ослепительно прозрачный воздух, ярко-синее небо, глубокие долины, причудливые, изломанные формы, груды обломков, нагромодившиеся за многие века, ярко окрашенные горные породы, представляющие контраст со спокойным цветом снежных гор, – все это вместе составляло картину, не поддающуюся воображению. Ни растение, ни птица, если не считать нескольких кондоров, кружившихся над более высокими пиками, не отвлекали моего внимания от неодушевленных громад. Я был рад своему одиночеству; это было похоже на ощущение, какое испытываешь, наблюдая грозу или слушая хор из «Мессии» в сопровождении оркестра»² [1, с. 282].

² «Мессия» – оратория Генделя (1742)

Во-вторых, Дарвин – настоящий Натуралист. Это слово нам уже непонятно; ведь у нас натуралисты – только юннаты, а среди профессиональных научных работников натуралистов, т.е. людей, которым интересна ВСЯ ПРИРОДА – давно не осталось. Правда, и во времена Дарвина наука уже так дифференцировалась, что Дарвин был уже едва ли не последним Натуралистом. Его прямой предшественник, великий Александр фон Гумбольдт уже в путешествии по России был вынужден прибегнуть к услугам профессионального ботаника – одному изучать Всю Природу ему было уже не под силу. Дарвин, конечно, тоже активно рассовывал свои громадные коллекции на изучение разным профессорам-специалистам: «инфузорий» – Эренбергу, птиц – Гоулду, позвоночных – Оуэну, растения – разным ботаникам, и т. д. Но все же Дарвин совершенно профессионально ОДИН занимался физической географией, политической географией, этнографией, метеорологией, стратиграфией, палеонтологией, геоморфологией, петрологией-вулканологией, метаморфизмом, полезными ископаемыми, ботаникой и зоологией. А спустя много лет после возвращения домой издал мощную четырехтомную монографию о современных и ископаемых усконогих раках (1851–1854) – отыскав для себя специальную нишу в лабиринте столь разветвленной зоологии.

О том, почему аргентинский скунс никого не боится

«На Пунта-Альте мы провели ночь, и я занялся поисками ископаемых костей, ибо этот мыс – настоящий склеп вымерших чудовищ <…>

Кроме того, мы видели пару сорильо, или скунсов – эти отвратительные животные встречаются здесь довольно часто. С виду сорильо похож на хорька, только немного крупнее и гораздо толще в сравнении с остальными размерами. Сознывая свою силу, он бродит днем в открытом поле и не боится ни собак, ни людей. Если натравить на него собаку, он мгновенно охлаждает ее пыл несколькими каплями вонючей маслянистой жидкости, которая бьет в нос и вызывает сильную тошноту. На что бы ни попала эта жидкость, вещь раз и навсегда испорчена. Азара говорит, что запах этот можно услышать на расстоянии лье; не раз, входя в гавань Монтевидео, мы чувствовали этот запах на борту «Бигля», когда ветер дул с берега. Достоверно известно, что все животные с величайшей готовностью уступают место сорильо» [1, с. 97].

О гуанако: любопытство сильнее страха?

Обыкновенно они дики и крайне осторожны <…> Но если случайно встретить одно только животное или нескольких вместе, то они обыкновенно стоят неподвижно и пристально смотрят на охотника, затем отойдут на несколько ярдов, оборачиваются и снова смотрят. Чем вызы-

вается такое различие в их поведении? Не принимают ли они ошибочно человека издали за своего главного врага – пуму? Или же любопытство в них побеждает страх? Что они любопытны, в этом нет сомнений, потому что, если лечь на землю и выделывать необыкновенные телодвижения, например, вскидывать ноги вверх, они всегда потихоньку подходят, чтобы рассмотреть человека. Эту проделку не раз успешно повторяли наши охотники, причем им удавалось, кроме того, произвести несколько выстрелов, которые животные принимали, очевидно, за часть представления» [1, с. 157–158].

О том, как гуанако заботятся об индейцах

«У гуанако есть она странная привычка, совершенно для меня непонятная: они многие дни подряд откладывают свои экскременты в одну и ту же определенную кучу. Я видел одну из таких куч, которая имела 8 футов в диаметре и содержала большое количество помета. Согласно А. д'Орбиньи, это – привычка, общая всем видам данного рода; она очень выгодна перуанским индейцам, которые таким образом избавляются от труда по собиранию этого помета, служащего им топливом» [1, с. 158–159].

Разгадка громадных скоплений костей наземных позвоночных – Великая Засуха. Как заяц пил из посуды...

«Во время путешествия по стране мне приходилось слышать несколько живых описаний последствий недавней великой засухи; рассказ о ней может пролить некоторый свет на вопрос, почему иногда находят погребенными вместе огромные количества самых разнообразных животных. Период с 1827 по 1832 г. называют *gran seco* – великой засухой. За это время выпало так мало осадков, что вся растительность, даже чертополох, пропала, ручьи пересохли, а вся страна приобрела вид пыльной большой дороги <...>

Один человек рассказывал мне, что во двор его повадился ходить олень – к колодезю, который он вынужден был вырыть, чтобы обеспечить свою семью водой, – а куропатки едва в силах были улетать от преследования. <...>

Имеется любопытное описание того, как действует засуха на слонов в Бенгуэле (западное побережье Африки): «Стадо этих животных несколько времени назад вошло в город, стремясь пробраться к колодезям, так как в окрестности им не удалось найти воды <...> Д-р Макколмсон сообщает мне, что во время большой засухи в Индии дикие животные входили в армейские палатки в Эллоре, а заяц пил из посуды, которую держал в руках полковой адъютант» [1, с. 134–135].

Как видим, описание Большой Засухи у Киплинга в «Маугли» вполне согласуется с историями, приведенными Дарвином!

О гиперсексуальных кукушках

«Чтобы объяснить происхождение этой привычки кукушки класть яйца в гнезда других птиц, было выдвинуто множество теорий, в том числе даже френологических. Мне кажется, однако, что только один Прево своими наблюдениями пролил свет на этот запутанный вопрос: он установил, что самка кукушки, которая, по свидетельству большинства наблюдателей, кладет по крайней мере от четырех до шести яиц, должна спариваться с самцом каждый раз после того, как снесет одно или два яйца. Но если бы кукушка вынуждена была сама высидживать свои яйца, ей пришлось бы либо садиться сразу на все яйца – и таким образом оставлять те, которые были отложены первыми, на столь долгий срок, что они, вероятно, успели бы за это время испортиться, – либо же высидживать каждое яйцо или каждую пару яиц в отдельности по мере их снесения; но поскольку пребывание кукушки в данной стране значительно короче, чем у всех других перелетных птиц, то ей, конечно, не хватило бы времени, чтобы поочередно высидживать яйца. Следовательно, причину того, что кукушка откладывает свои яйца в гнезда других птиц и оставляет их на попечение приемных родителей, можно усмотреть в том обстоятельстве, что кукушка спаривается несколько раз и кладет яйца с перерывами. Я сильно склоняюсь к тому, что эта точка зрения правильна, потому что сам независимо пришел (как мы увидим ниже) к аналогичному заключению относительно южноамериканского страуса – самки этих птиц паразитируют, – если здесь уместно это выражение, – одна за счет другой; каждая откладывает несколько яиц в гнезда других самок, а весь труд по высидживанию подобно чужим приемным родителям у кукушки принимает на себя страус-самец» [1, с. 79–80].

О птичках, питающих ненависть к роду человеческому

«Теру-теро, как и наш чибис, получил название по звуку своего голоса. Всякого, кто проезжает по покрытым травой равнинам, постоянно преследуют эти птицы, по-видимому, питающие ненависть к роду человеческому и, по моему убеждению, сами заслуживающие ненависти за их немолкающие, однообразные и режущие слух крики. Охотнику они досаждают всего более, извещая всех птиц и зверей о его приближении; путнику же они, быть может, как говорит Молина, приносят пользу, предупреждая его о полуночных разбойниках» [1, с. 122]

О том, что кондор парит для собственного удовольствия и о том, что он нуждается во взлетной полосе! Крепкий сон – здоровый аппетит...

«Кондоров часто можно видеть на большой высоте, где они парят над каким-нибудь определенным местом, описывая самые изящные круги. В некоторых случаях, я уверен, они делают это лишь ради собственного удовольствия, но иногда, как скажет вам чилийский крестьянин, они высматривают умирающее животное или пуму, пожирающую добычу. Если кондоры скользят вниз, а потом вдруг все вместе поднимаются, то чилиец уже знает, что пума, стерегущая труп, выскочила, чтобы прогнать разбойников. Не ограничиваясь падалью, кондоры часто нападают на молодых коз и ягнят, и пастушьи собаки приучены выбегать и, глядя вверх, яростно лаять, когда кондоры пролетают мимо. Чилийцы уничтожают и ловят их во множестве.

Они применяют два способа: один состоит в том, что кладут труп на ровном месте, огороженном забором из кольев с единственным входом, и, когда кондор насытится, подсакивают верхом ко входу и запирают его; если этой птице не хватает места для разбега, она не может сообщить своему телу достаточного момента, чтобы подняться с земли. Второй способ заключается в том, что замечают деревья, на которые птицы садятся, часто по пять, по шесть сразу, а потом ночью влезают на дерево и ловят птиц силком. Кондоры спят так крепко (чему я сам был свидетелем), что это дело нетрудное. В Вальпараисо при мне продавали живого кондора за полишиллинга, но обычная цена его 8–10 шиллингов. Я видел, как принесли одного кондора, связанного веревкой и сильно пораненного; но в то самое мгновение, как разрезали веревку, стягивавшую его клюв, он, несмотря на толпу вокруг, стал с жадностью терзать кусок падали» [1, с. 171–172].

Давний вопрос, занимавший меня в самой первой экспедиции на Кольском полуострове (1957): чем питаются комары в отсутствие геологов? – Оказывается, 150 лет назад Дарвин размышлял примерно о том же...

«Крупная муха (Tabanus) была чрезвычайно многочисленна и изводила нас болезненными укусами. Обыкновенный слепень, который так досаждал на тенистых проселках в Англии, принадлежит к тому же роду. Здесь перед нами та же загадка, которая так часто возникает относительно москитов: кровью каких животных питаются обыкновенно эти насекомые? Гуанако тут почти единственное теплокровное четвероногое, и численность их ничтожна по сравнению с тьмой этих мух» [1, с. 161].

О хитрых иждивенцах – маленьких красивых паучках

*«Все тропинки в лесу перегорожены прочной желтой пряжей паука, принадлежащего к тому же подразделению, что и *Ereira clavipes Fabricii*, который, как рассказывал некогда Слоан, тклет в Вест-Индии такую прочную паутину, что в нее попадают птицы. Почти в каждой такой паутине обитают в качестве паразитов маленькие красивые паучки с очень длинными передними ногами, принадлежащие, по-видимому, к неопisanному до сих пор роду. Мне кажется, этот паучок слишком незначителен, чтобы привлечь внимание большого крестовика, а потому получает возможность питаться прилипшими к нитям крохотными насекомыми, которые иначе пропадали бы впустую. Если этого паучка пугнуть, он либо прикидывается мертвым, вытянув свои передние ноги, либо же стремглав падает с паутины» [1, с. 67].*

В-третьих, этот благовоспитанный британский джентльмен – на самом деле весьма контактный парень, вследствие своего демократизма и доброжелательного интереса к жизни людей всех классов и сословий – легко находящий общий язык не только с матросами и офицерами «Бигля», но и со всеми аборигенами (среди которых были и такие испаноязычные католики, для которых любой англичанин представлялся чуть ли не исчадием ада!): с пастухами-гаучосами, с чилийскими горняками, с местными офицерами и губернаторами, и даже с дикарями Огненной Земли. И лишь случайно мы узнаем (из записок его начальника – капитана Фиц-Роя), что Дарвин проявил себя и как отважный человек, первым бросившийся спасать шлюпки, которых грозила разбить в щепки громадная волна, поднятая отколовшимся ледником. Кстати о мистере Фиц-Рое. Всем был бы хорош этот умный, любознательный, опытный и волевой морской волк – но был он, увы, ярым приверженцем рабства, глубоко ненавистного Дарвину! Как они на этой идеологической почве собачились во время плавания, стало известно только много лет спустя; но похоже, что бывали такие моменты, когда взбешенный Фиц-Рой мог вообще высадить Дарвина с «Бигля»!

Хитрый Дарвин-ренегат

«Вечером мы отправились в путь в сторону Мерседеса на Рио-Негро³. С наступлением ночи мы подъехали к какой-то эстансии и попросили разрешения переночевать. Это было очень большое имение, в 10 квадратных миль, а владелец ее был одним из крупнейших земельных собственников в стране. Именем управлял его племянник; там был еще один армейский капитан, бежавший на днях из Буэнос-Айреса. Если учесть об-

³ В Уругвае – Я. Ю.

ущественное положение моих собеседников, то нужно признать, что разговор был весьма забавный. Они, по обыкновению, выражали безграничное удивление по поводу того, что земля круглая, и едва могли поверить, что если бы сделать достаточно глубокую дыру, то она вышла бы с другой стороны земли. Они слышали, однако, о стране, где шесть месяцев светло, а шесть темно, и где жители очень высокие и худые! Их интересовали цены и качество лошадей и рогатого скота в Англии. Узнав, что мы не ловим нашу скотину лассо, они воскликнули «Ах, так вы пользуетесь одними только боласами!»⁴. Представление об огороженных полях было для них и вовсе ново. Под конец капитан сказал, что хочет мне задать один вопрос и будет очень обязан, если я скажу ему всю правду. Я затрепетал при мысли о том, что этот вопрос может оказаться чересчур ученым, но услышал: «Не правда ли, дамы в Буэнос-Айресе – самые красивые в мире?». Я ответил как настоящий ренегат: «Они так прелестны!». Он присовокупил: «У меня есть еще один вопрос. Носят ли дамы где-нибудь еще в мире такие большие гребни?». Я торжественно заверил его, что не носят. Они пришли в полный восторг. Капитан воскликнул: «Слышите, человек, который видел полмира, говорит, что это так; мы всегда думали, но теперь знаем наверное». Мое замечательно верное суждение о гребнях и красоте обеспечило мне самый радушный прием; капитан заставил меня лечь в свою кровать, а сам устроился спать на рекадо» [1, с. 144–145].

О замечательном бартере с аборигенами и губернатором

«Когда мы сидели за ужином, губернатор [о-ва Чилоэ в южном Чили – Я.Ю.] нанес нам визит. Он был когда-то подполковником испанской службы, но теперь был крайне беден. Он дал нам двух овец и получил взамен два бумажных носовых платка, несколько модных безделушек и немного табаку [1, с. 244–245].

Об удивительных курах с перепонками на лапках

«Население питается здесь [на о-вах архипелага Чонос в южном Чили – Я.Ю.] преимущественно моллюсками и картофелем. Кроме того, в известные периоды в году они при помощи «корралей» – подводных изгородей – ловят много рыбы, остающейся на илистых отмелях после отлива. Кое-кто владеет домашней птицей, овцами, козами, свиньями, лошадьми и коровами – порядок перечисления этих животных отвечает их относительной многочисленности. Мне никогда не случалось видеть более любезных и скромных манер, чем у этих людей. Обыкновенно они прежде

⁴ Несколько шаров, нанизанные на веревку; их бросают в ноги животным, и те запутываются (Я. Ю.).

всего заявляют, что они бедные уроженцы этого места, а не испанцы, и страшно нуждаются в табаке и прочих предметах удовольствия. На Кайлене, самом южном из этих островов, матросы купили за сверток табаку ценой в полтора пенни, двух кур, у одной из которых, как отметили индейцы, была кожа между пальцами, и эта курица в самом деле оказалась отличной уткой; за несколько бумажных носовых платков ценой в 3 шиллинга были получены три овцы и большая связка луку» [1, с. 248].

В-четвертых, этот молодой магистр – не только Натуралист, но настоящий Естествоиспытатель, в самом подлинном значении этого слова: он не созерцает Природу, а как бы постоянно экспериментирует с ней! То он ставит камень на столбовой дороге муравьев и выясняет, что они предпримут. То он вытаскивает ящерицу за хвост из наполовину вырытой ею норы и с удовольствием отмечает, с каким изумлением она на него поглядела; то он сует палку в морду ящерице, и оказывается, что та кусает палку, а не его руку; то он пересаживает паучка из одного места паутины в другое и фиксирует его реакцию; относит жабу в лужу, «предполагая доставить ей большое удовольствие»; кормит ящериц кусочками кактуса, и т.д. Словом, ему совершенно недостаточно описать поведение животного – он везде пытается доискаться до первопричин. С геологией таких опытов произвести нельзя – но здесь вместо опытов он широко использует сравнения – например, одновозрастных слоев по обе стороны Анд, и т. д.

Как Дарвин дразнил глупых галапагосских ящериц

«Многочисленность их лучше всего доказывается, пожалуй, следующим обстоятельством: когда нас оставили на острове Джемс, то мы довольно долго не могли отыскать места, где бы не было их нор, чтобы разбить нашу единственную палатку. Подобно своим морским собратьям животные эти безобразны; тело их желтовато-оранжевого цвета внизу и буровато-красного сверху; низкий лицевой угол придает им необыкновенно глупый вид <...>

Живут они в норах, которые устраивают себе иногда между обломками лавы, но чаще – на ровных местах в мягком песчаникообразом туфе. Норы, по-видимому, не очень глубоки и входят в землю под небольшим углом; поэтому, когда ходишь в таких ящеричных «садках», ноги все время проваливаются в землю, к великой досаде усталого путника. Вырывая нору, это животное работает попеременно правой и левой стороной своего тела. Одна из передних ног некоторое время скребет землю и отбрасывает ее вверх, к задней ноге, удобно расположенной для того, чтобы выкидывать землю вон из норы. Когда одна сторона тела устанет, за дело принимается другая, и так они чередуются. Я долго наблюдал за одной

такой ящерицей, пока половина ее тела не скрылась в земле; тогда я подошел и потянул ее за хвост; это крайне изумило ее, она тотчас выползла посмотреть, в чем дело, и уставилась мне прямо в лицо, как будто говоря: «С какой стати ты тянешь меня за хвост?»

<...>

Тем из этих ящериц, которые живут на низменных местах, – таких всего больше, – вряд ли удастся отведать хоть каплю воды в течение всего года, но они в большом количестве едят сочный кактус, ветви которого иногда обламывает ветер. Я несколько раз бросал кусок этого кактуса двум-трем ящерицам, собравшимся вместе, и довольно забавно было видеть, как они старались схватить кусок и утащить во рту, точно голодные собаки кость. Едят они очень неторопливо, но не пережевывают пищи. Маленькие птички знают, как безбидны эти создания: я видел, как один толстоклювый вьюрок клевал с одной стороны кусок кактуса (которым очень любят полакомиться все животные в этих низменных местах), в то время как ящерица поедала его с другого конца, а потом эта птичка с величайшей беззаботностью вспрыгнула на спину пресмыкающегося» [1, с. 330].

Как доставить большое удовольствие жабе, способной искушать Еву

«Из бесхвостых гадов я нашел только маленькую жабу (*Phryniscus nigricans*) совершенно своеобразной окраски. Чтобы получить правильное представление о ее внешнем виде, вообразим себе, что сначала ее окунули в самые черные чернила, а затем, когда она высохла, пустили ползать по доске, только что выкрашенной самой яркой красной киноварью, так что окрасились ее лапки снизу и отдельные места брюшка. Если бы этот вид еще не имел названия, его следовало бы назвать *Diabolicus*, ибо такой жабе было бы под стать искушать Еву. В отличие от прочих жаб, у которых нравы ночных животных и которые живут в сырых и темных укромных местах, она ползает среди бела дня, в жару, по сухим песчаным буграм и безводным равнинам, где не найти и капли воды. Для получения необходимой влаги ей, несомненно, приходится пользоваться росой, которую она, вероятно, усваивает через кожу, так как известно, что у этих гадов сильно развита способность к такому поглощению. В Мальдонадо я нашел такую жабу в месте почти столь же сухом, как в Баия-Бланке, и, предполагая доставить ей большое удовольствие, отнес в лужу с водой; но это маленькое животное не только не умело плавать, но, я думаю, без моей помощи тотчас же утонуло бы» [1, с. 110–111].

В-пятых, наконец, на наше счастье Дарвин оказался не только гениальным естествоиспытателем – но и замечательным писателем, а его книга –

выдающимся литературным произведением! Ему отлично удаются образы людей, проникновенные описания пейзажей, и даже передача оттенков чувств (что в литературе считается привилегией Льва Толстого); при этом не последнюю роль в его стилистике играет настоящий английский юмор – подтрунивание и над собой, и над животными, и над обстоятельствами.

О том, как они варили картошку в Андах

«В том месте, где мы ночевали, вода, как и следовало ожидать, вследствие пониженного атмосферного давления кипела при температуре более низкой, чем в местах, лежащих не так высоко, – явление, обратное тому, какое происходит в папиновом котле⁵. По этой причине картофель, находившийся несколько часов в кипящей воде, остался почти таким же твердым. Котелок простоял на огне всю ночь, на следующее утро снова кипел, и все-таки картофель не сварился. Я узнал об этом, подслушав разговор двух моих спутников; они рассудили просто – что «проклятый котелок (а он был новый) не желает варить картофель» [1, с. 283].

Почему Дарвин не попал в Кордильеры из Патагонии? – Потому что очень хотелось кушать...

«4 мая. [1834 г. – Я.Ю.] – Капитан Фиц-Рой решил не вести шлюпки дальше вверх по реке [Санта-Крус – Я.Ю.], которая стала очень извилистой и быстрой; кроме того, весь вид местности не внушал желания идти дальше. Повсюду мы видели те же предметы, тот же унылый ландшафт. Мы находились теперь в 140 милях от Атлантического океана и примерно в 60 от ближайшего залива Тихого океана. Долина в этой верхней своей части расширялась в обширную котловину, ограниченную с севера и с юга базальтовыми платформами, а впереди виднелась длинная цепь одетых снегом Кордильер. Однако мы смотрели на эти величественные горы с сожалением, потому что нам приходилось ограничиться лишь догадками об их природе и естественных произведениях, вместо того, чтобы, как мы надеялись, стоять на их вершинах. Не говоря уже о бесполезной потере времени, которой нам стоила попытка подняться хоть немного выше по реке, мы уже несколько дней получали половинный хлебный паек. Хотя и этого было бы достаточно нетребовательному человеку, но после тяжелого дневного перехода такой еды маловато; неотягченный желудок и легкое пищеварение – вещи, о которых хорошо рассуждать, но которые очень неприятны на деле.

⁵ Папинов котел – герметически закрытый котел, в котором производят нагрев воды выше 100° (Прим. издателя).

5 мая. – Перед восходом солнца мы пустились в обратный путь. Мы неслись вниз по течению с большой скоростью, делая узлов десять. За один день мы прошли то, что стоило нам при подъеме пяти с половиной дней тяжелого труда. 8-го числа, после 21-дневного путешествия, мы добрались до «Бигля». Все, кроме меня, имели основание быть недовольными; но мне экспедиция принесла знакомство с интереснейшим разрезом великой третичной формации Патагонии» [1, с. 175].

Что касаясь мира насекомых и животных, то **книга проникнута теплым антропоморфизмом**: ящерица изумляется; кондор парит для собственного удовольствия; муравьи проявляют непреклонную гордость; гуанако обнаруживают легкомысленное любопытство; свиноподобные вонючие тюлени изумляются; птички-печники на редкость глупы, другие птицы – стыдливые, третьи – бесстыжие, а некоторые просто ненавидят человеческий род; лисица – создание ученое, но на свою беду – чересчур любознательное, и т. д. Этими прелестными пассажами сплошь переполнена великая книга Дарвина.

О том, как муравьи отнеслись с презрением к мысли об уступке!

«Один маленький муравей темного цвета кочует иногда в несметных количествах. Как-то раз в Бони мое внимание привлекла следующая картина: множество пауков, тараканов и других насекомых, а также несколько ящериц в величайшей тревоге спешили куда-то по клочку голой земли. Несколько позади них каждый стебелек, каждый листок казались черными под покрывавшими их сплошь маленькими муравьями. Перебравшись через голый клочок земли, рой разделился и спустился по старой стене. Таким образом муравьи оцепили множество насекомых; бедные маленькие создания прилагали поистине поразительные усилия, чтоб спастись от смерти. Подойдя к дороге, муравьи переменили направление и узкими колоннами снова взобрались на стену. Я положил маленький камень, чтобы преградить дорогу одной из колонн; весь корпус бросился на это препятствие, но затем тотчас же отступил. Вскоре в наступление пошла другая армия, и после новой неудачной попытки что-нибудь сделать прежний маршрут был окончательно оставлен. Стоило только колонне взять на дюйм в сторону, и камень был бы обойден, и, конечно, так бы оно и было, если бы камень и прежде лежал там; но, будучи атакованы, эти маленькие воинственные герои отнеслись с презрением к мысли об уступке» [1, с.66–67].

О том, как оса вернулась, удивилась и уподобилась собаке

«Я с большим интересом наблюдал однажды смертельный бой между осой *Pepsis* и большим пауком из рода *Lycosa*. Оса⁶ стремительно накинулась на добычу и улетела; паук был, очевидно, ранен, потому что, пытаясь убежать, покатился вниз по небольшому уклону, но все-таки сохранил еще достаточно сил, чтобы уползти в кустик густой травы. Вскоре оса вернулась, не найдя сразу же свою жертву. Тогда она повела правильное выслеживание, точно собака, охотящаяся за лисицей: она стала описывать стремительные короткие полукруги, все время быстро вибрируя крыльями и усиками. Хотя паук хорошо спрятался, он был вскоре обнаружен, и оса, все еще, очевидно, опасаясь челюстей противника, после долгих маневров ужалила его в двух местах с нижней стороны груди. Наконец, тщательно обследовав усиками уже неподвижного паука, она потащила труп. Тут я захватил убийцу вместе с ее добычей» [1, с.67].

О том, что в Чили птицы бывают стыдливymi и бесстыжими

«Из птиц наибольшее внимание обращают на себя два вида из рода *Pteroptochos* (*P. magarodius* и *P. albicollis*, Kittitz). Первая, называемая чилийцами «эль турко», величиной с дрозда-рябинника, которому она даже несколько сродни, но ноги у нее гораздо длиннее, хвост короче, а клюв сильнее; цвета она красновато-коричневого. Турко здесь весьма распространен. Он живет на земле, прячась среди зарослей, разбросанным по сухим и бесплодным холмам. Время от времени можно видеть, как он, подняв хвост, с необыкновенным проворством перебегает на своих ходулеобразных ногах от одного куста к другому. **В самом деле, немного нужно воображения, чтобы поверить, что эта птица стыдится себя самой и сознает, как необыкновенно смешна ее внешность. С первого взгляда так и хочется воскликнуть: «Отвратительно набитое чучело сбегало из какого-нибудь музея и снова ожило!».** Ее и взлететь не заставишь без величайших хлопот; она даже не бегает, а только прыгает <...>

Второй вид (*P. albicollis*) в общем близок к первому. Называют его тапаколо, т.е. «прикрой зад», и эта бесстыдная птичка вполне заслуживает такого названия, потому что держит свой хвост не только что прямо, а даже наклонив его в сторону головы» [1, с. 241].

⁶ Дон Фелис Азара (*Azara*, vol. 1, p. 175), упоминая об одном перепончатокрылом насекомом, вероятно того же рода, говорит, что он видел как это насекомое тащило мертвого паука по высокой траве прямо к своему гнезду, которое находилось в 163 шагах. Он прибавляет, что оса, отыскивая дорогу, то и дело описывала «полукруги приблизительно в три пяди». (прим. Дарвина).

Об очень тупой птичке-касарита

«Другой, более мелкий вид *Furnaris (F. cunicularius)* похож на печника общим красноватым оттенком оперения, особым повторяющимся пронзительным криком и странной манерой бегать подпрыгивая. Из-за сходства с печником с печником испанцы зовут его **касарита** (маленький домостроитель), хотя манера строить гнездо у него совсем иная. Касарита строит гнездо на дне узкой цилиндрической норы, которая, говорят, тянется горизонтально под землей почти на 6 футов. Некоторые местные жители рассказывали мне, что еще мальчишками они пробовали вырыть гнездо, но им никогда не удавалось добраться даже до конца хода. Птица эта выбирает место для гнезда в твердом песчаном грунте невысокого откоса у дороги или у ручья. Здесь (в Баия-Бланке) дома обносят стенами, которые лепят из глины, затем затвердевающей, и я заметил, что стена, окружавшая двор, где я жил, во многих местах была пробуравлена насквозь круглыми дырами. На вопрос о том, в чем тут дело, хозяин стал горько жаловаться на маленькую касариту, и впоследствии мне довелось увидеть нескольких птичек за этим делом. Весьма забавно обнаружить, как не способны, должно быть, эти птицы усвоить малейшее понятие о толщине; хотя они все время перелетали через низкую стену, но продолжали впустую пробуравливать ее, принимая за отличный откос для своих гнезд. Я не сомневаюсь, что эти птицы всякий раз, встречая дневной свет с той стороны стены, вновь и вновь бывали немало изумлены этим непостижимым явлением» [1, с. 108–109].

О бесстыдстве тюленей архипелага Чонос в южном Чили

«Я сопровождал капитана в поездке на шлюпке внутрь узкого глубокого залива. По пути мы видели поразительное количество тюленей: они во множестве лежали на каждом плоском камне, а кое-где и низком берегу. Они были, по-видимому, добродушного нрава и, крепко заснув, лежали кучами, точно свиньи; но даже свиньи устыдились бы покрывающей их грязи и исходившей от них вони <...>

На обратном пути мы опять позабавились, наблюдая, с какой стремительностью кинулись в воду все тюлени, старые и молодые, когда наша шлюпка проходила мимо. Они не оставались подолгу под водой, а снова выскакивали и следовали за нами, вытянув шеи, с выражением изумления и любопытства» [1, с. 252].

О неблагоприятной лисице, которая стала чучелом...

«Вечером мы достигли острова Сан-Педро, где нашли стоявший на якоре «Бигль». Пока мы огибали мыс, двое офицеров высадились, чтобы

промерить углы теодолитом. На камнях сидела лисица (Canis fulvipes), встречающаяся, как говорят только на этом острове, да и то очень редко и представляющая собой новый вид. Она была настолько поглощена наблюдением за работой офицеров, что мне удалось, тихо подойдя сзади, стукнуть ее по голове геологическим молотком. Эта лисица, более любопытная и ученая, но менее благоразумная, чем большинство ее сородичей, выставлена теперь в музее Зоологического общества» [1, с. 240–241].

О стыдливых овчарках и об их точке зрения, с которой соглашались дикие собаки

«Во время моего пребывания в этой эстансии меня занимали местные пастушьи собаки и рассказы о них. Повстречать во время поездки верхом большую отару овец под охраной одной или двух собак, на расстоянии нескольких миль от жилья и человека, – обычное дело. Меня часто удивляло, как могла установиться такая тесная дружба. Метод воспитания состоит в том, что щенков, пока они еще очень малы, отнимают от матери и приучают к будущим товарищам. Щенку три-четыре раза в день дают сосать овцу, а также устраивают ему в овчарне гнездышко из шерсти; ему совсем не дают общаться ни с другими собаками, ни с хозяйскими детьми. Кроме того, щенка обыкновенно кастрируют, так что, когда он вырастает, в нем едва ли вообще останутся какие-либо чувства к своим сородичам. В результате такого воспитания у собаки нет желания покинуть отару, и, как другая собака будет защищать своего хозяина, так эта будет защищать овец. Когда приближаешься к отаре, забавно видеть, как собака тотчас же с лаем выскакивает вперед, а овцы все бегут за ней, не отставая, обступив ее, будто старого вожака-барана. Этим собак также легко выучить приводить отару домой вечером в определенный час. Больше всего хлопот доставляет желание щенят поиграть с овцами: забавляясь таким образом, они иногда самым немилосердным образом гоняют своих бедных подданных.

Пастушьи собаки каждый день приходят к дому за мясом и, как только получают кусок, скрываются, как будто им стыдно за себя. В этих случаях домашние собаки суициде деспоты, и даже самая маленькая из них кинется на пришельца и погонится за ним. Но в ту минуту, как овчарка добежит до отары, она поворачивается и начинает лаять, и тут все домашние собаки пускаются со всех ног наутек. Точно также целая стая голодных диких собак едва ли отважится когда-нибудь (а кое-кто говорил мне, что этого и вовсе не бывает) напасть на отару, которую охраняет пусть даже один из этих верных пастырей.

<...>

Ф. Кювье замечает, что все легко приручаемые животные смотрят на человека как на члена их собственного общества и тем самым следуют своему инстинкту стадности. В описанном случае пастушья собака смотрит на овец как на своих собратьев, и это придает ей уверенности, а дикие собаки, хотя и знают, что каждая отдельная овца не только не собака, но и вкусная еда, **все-таки до некоторой степени соглашаются с такой точкой зрения** при виде отары с пастушьей собакой во главе» [1, с. 146–147].

3. Послесловие

Нет ничего удивительного в том, что этот (довольно длинный) доклад был выслушан собравшимися отметить День Науки сотрудниками Коми научного центра с неослабевающим вниманием. Ибо трудно не поддаваться обаянию текстов великой книги Дарвина с их глубиной, тонкостью и чудесным чувством юмора.

Удивительно другое – даже в этой ученой аудитории **нашлись люди, высказавшие свое неодобрение дарвинизму!** Например, некий проректор из города Ухты (т. е. педагог – человек, от которого зависит воспитание правильного научного мировоззрения студентов) поведал собравшимся о своем неодобрении эволюционного учения Дарвина и заодно сообщил, как он **«крестился через второй закон термодинамики»**.

К сожалению, всё это не было случайным и отразило оголтелый «накат» на науку со стороны безграмотных работников СМИ, благочинных креационистов и служителей церкви. А ведь еще совсем недавно нам было бы просто невозможно поверить в то, что в 21-ом веке Наука (и в том числе ее драгоценное достояние – дарвинизм) снова будет нуждаться в защите от нападков – как и во времена Дарвина!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль» Пер с англ. С. Л. Соболя. Изд. 3-е. – М.: Мысль, 1976, 453 с.
2. Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера. М.: АН СССР, 1957.

Среди замечательных начинаний профессора Слепяна необходимо непременно отметить самое последнее по времени – но отнюдь не последнее по важности в его блестящей карьере ученого и крупного организатора науки. Мы имеем в виду затеянное им в 2009 г. новое масштабное предприятие – издание широкопрофильного журнала «Биосфера».

Когда на свет появились первые красивые книжки «Биосферы», мы слышали скептические прогнозы от некоторых крупных ученых: мол, размахнулся-то Слепян широко – но надолго ли хватит редакционного портфеля, т. е. запаса материалов и идей – для поддержания взятого на старте высокого научного уровня журнала?

Но вот прошло уже почти два года, и теперь можно уже с уверенностью сказать: слепяновская «Биосфера» процветает; круг авторов ширится; тематика статей становится все более интересной и разнообразной; журнальные материалы стали активно цитироваться в научной периодике.

Мы сердечно поздравляем Эрика Иосифовича с полным успехом «Биосферы» и желаем ей, в полном соответствии с учением Вернадского, спокойного ГОМЕОСТАЗА – по возможности, без экологических кризисов и революций!

Я. Э. Юдович, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник Республики Коми, доктор геолого-минералогических наук, член Российской академии естественных наук, Уральской академии геологических наук и Нью-Йоркской академии наук, главный научный сотрудник Института геологии Коми НЦ Уральского отделения РАН.

М. П. Кетрис, старший научный сотрудник того же института.